

Вардеванян П.Г.
Протасова Ю.А.
 vard_p@mail.ru

Белорусский национальный технический университет (БНТУ),
 г. Минск, Беларусь

УДК: 711.01/09
 ББК: 85.113(2)6

DOI: 10.37909/978-5-89170-315-5-2022-2015

ВЛИЯНИЕ УТОПИЧЕСКИХ ИДЕЙ XX ВЕКА НА ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье рассмотрены утопические концепции города-сада и «Лучезарного города». На основе анализа генеральных планов ряда городов Беларуси установлена связь между их пространственной структурой и ключевыми градостроительными идеями XX в. Связь демонстрируется на примерах, в том числе на решениях, которые были разработаны для столицы Беларуси, стремительно развивающейся в послевоенный период – Минска; а также для города, созданного в период индустриализации страны 1960–1970-х гг. – Новополоцка. В исследовании сделан акцент на общественных пространствах: выявлены характерные черты архитектурного облика площадей и главных улиц, которые были сформированы в городах Беларуси на основе утопических идей.

Ключевые слова: город-сад; «Лучезарный город»; градостроительные идеи; центр города.

Vardevanyan P. G.
Protasova Y.A.
 vard_p@mail.ru

Belarusian National Technical University (BNTU),
 Minsk, Belarus

IMPACT OF UTOPIAN IDEAS OF THE 20TH CENTURY FOR URBAN DEVELOPMENT OF BELARUS

Abstract. The article deals with the utopian concepts of the Garden city and the Radiant city. Based on the analysis of the master plans of some cities in Belarus, has been established a connection between their spatial structure and the key urban planning ideas of the 20th century. The connection is demonstrated by examples, including solutions that were developed for the rapidly developing capital of Belarus in the post-war period – Minsk; as well as for the city created during the period of industrialization of the country in 1960–1970s – Novopolotsk. The study focuses on public spaces: the characteristic features of the architectural appearance of squares and main streets, which were formed in the cities of Belarus on the basis of utopian ideas, are revealed.

Keywords: Garden city; Radiant city; urban planning ideas; city center.

«Утопическое сознание, в значительной степени определившее характер отечественной культуры на протяжении почти всего XX столетия, оставило свой след и в градостроительстве, создав некий фантом идеального города будущего».
 Косенкова Ю.Л. [10, с. 259].

Введение. В специальной литературе последних лет можно наблюдать всплеск интереса к пространственным моделям идеальных городов, которые были разработаны в XX в.: город-сад Эбенизера Говарда и «Лучезарный город» Ле Корбюзье. Эти идеи широко распространились по всему миру. Они возникли в виде манифестов, а в градостроительную практику проникали благодаря участию авто-

ров указанных моделей и их прямых последователей в международных конкурсах и реальном проектировании. Из истории градостроительства известно, что автор первых городов-садов в Великобритании, Лечворта и Хемпстеда, Раймонд Энвин практиковал в США. Говард написал основополагающую книгу о городе-саде после того, как лично ознакомился с американским опытом застройки Риверсайда. Автор индустриальных поселков в Германии Эрнст Май практиковал в Советском Союзе. Ле Корбюзье предлагал проекты городов не только в СССР, Франции, Испании, но и в Индии, Колумбии, Алжире.

Проблемы современной урбанизации актуализировали идеи, которые были направлены на улучшение существующих городов и создание новых городов в переломные периоды XX в. Сегодня есть возможность изучить долгосрочные последствия воплощенных концепций для того, чтобы объективно оценить их полезность для решения градостроительных задач нашего времени. По словам Энн Идальго, мэра Парижа и председателя Инициативной группы 40 городов по вопросам изменения климата (C40 Cities Climate Leadership Group), поиск новых решений заставляет архитекторов и градостроителей «изобретать города заново» [23]. С этой точки зрения имеет смысл вернуться к моменту изобретения архитектурно-технических приемов планировки и застройки идеальных городов в начале XX в. – более «здоровых» и социально справедливых.

Материалы и методы. Основой изучения утопических концепций стали работы Э. Говарда, Р. Энвина, Э. Мая, Ле Корбюзье, И. Груза, Ч. Дженкса, П. Мерлена, Э. Грушка и др. Исследование планировки советских городов основывалось на научных трудах С.О. Хан-Магомедова, М.Г. Мееровича, М.Г. Бархина, А.Э. Гутнова, Н.В. Баранова, Я.Т. Кравчука и др. Вопросы послевоенного белорусского градостроительства рассматривались на монографиях и статьях Н.В. Баранова, Ю.П. Бочарова, В.Н. Семенова, Е.Л. Заславского, В.И. Аникина, А.П. Воинова, Т.М. Бона, С.В. Харевского, Д.А. Задорина, А.С. Шамрук и др. Также анализировались генеральные планы городов Беларуси разных годов, материалы архитекторов (М.М. Шлеймовича, Ю.А. Егорова, Е.Л. Заславского и др.). Применялся метод интервьюирования (с А.Г. Акентьевым, К.К. Хачатрянц и др.). В работе использовались проектные, нормативные и правовые документы, а также материалы профессиональных и публичных дискуссий. Использовался метод моделирования.

Результаты. Роль утопических идей в формировании пространства белорусских городов изучена мало. Отечественные исследователи советского периода градостроительства в основном обращают внимание на стилевую принадлежность отдельных архитектурных объектов, представляющих либо конструктивизм, либо «социалистический реализм», либо интернациональный стиль (С.В. Харевский, Д.А. Задорин, А.С. Шамрук) [18; 19]. Значимым результатом подобных исследований является способ «распознавания» характерных признаков того или иного стиля в облике конкретных зданий и ансамблей.

Российских исследователей отличает наиболее глубокая проработка темы. Предмет изучается ими на многочисленных примерах с привлечением широкой базы проектных, нормативных и правовых документов, а также материалов профессиональных и публичных дискуссий, которыми сопровождалась попытка воплотить утопические идеи в градостроительную практику. Сделанные выводы в одинаковой мере справедливы в отношении всех бывших союзных республик, а не только РСФСР. Именно по этой причине, изучая «Минский феномен», зарубежные исследователи выбирают широкие рамки – городское планирование и урбанизация

в Советском Союзе [3].

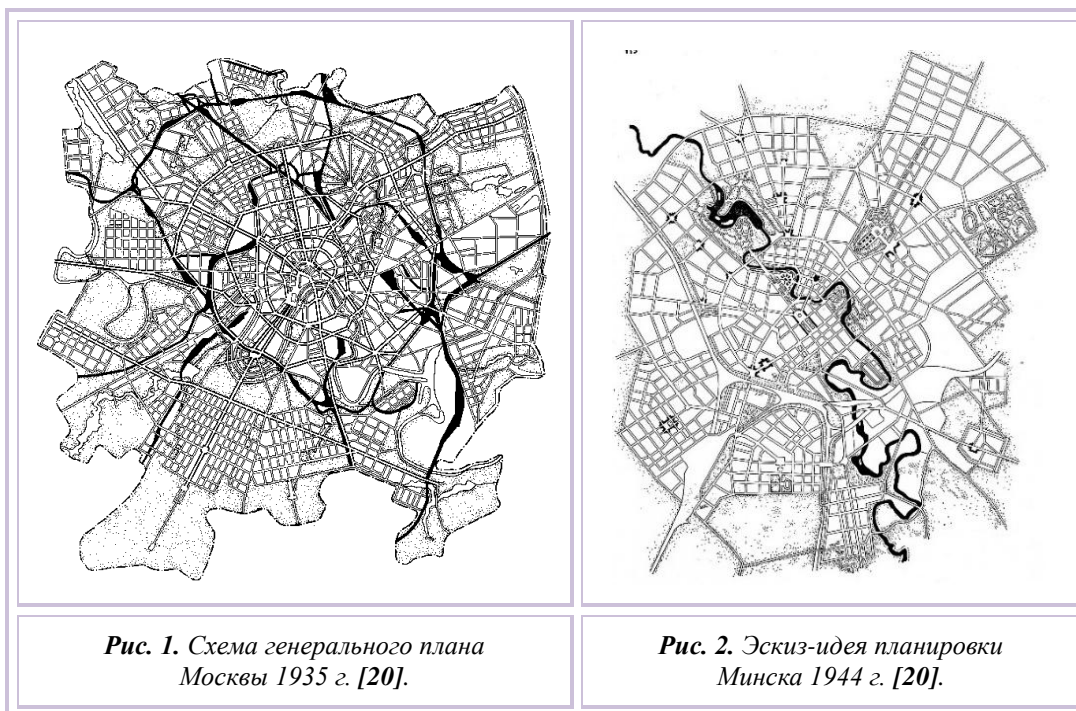
Первый вывод касается тесной связи между выбором пространственной модели развития городов и государственной политикой в области расселения. В условиях «форсированной индустриализации» уже к 1930-м гг. города превратились в «инструменты» обслуживания крупных промышленных предприятий, в «поселения при заводах» [15, с. 160]. Во второй половине 1960-х гг. города получили дополнительный толчок для развития в качестве «придатков к производству», когда территориальное планирование вернулось к отраслевому механизму управления [14, с. 10; 15, с. 160]. В обоих случаях процесс индустриализации привел к планированию сети новых городов на свободных территориях, «оторванности новых промышленных районов от старого городского ядра» и «неизбежной расчлененности» городского пространства [6, с. 171].

Второй вывод раскрывает особенности воплощения утопических идей в разные периоды российского градостроительства. Изучив проекты многих рабочих, железнодорожных и дачных поселков, спроектированных и возведенных в конце XIX – начале XX вв., М.Г. Меерович выделяет несколько стадий в изменении отношения градостроителей России к идее города-сада. Он выявил характерное искажение в восприятии исходной концепции, доказав, что «многие российские проекты схожи с говардовскими [городами-садами] лишь внешними чертами»: обилием зелени и живописной планировкой [12, с. 131]. С.О. Хан-Магомедов находит преемственность идеи города-сада в проектах реконструкции крупных городов, и связывает ее с именем В.Н. Семенова [17, с. 49, 56–58]. Во многом благодаря позиции главного архитектора Москвы, основным направлением, в котором говардовская концепция реализовывалась в России, осталось благоустройство городов. Фигура В.Н. Семенова очень важна для градостроительства Беларуси. Он внес решающий вклад в разработку генплана Минска. Даже при беглом сравнении генпланов Минска и Москвы, разработанных в 1930-е гг., проступает их общая пространственная модель, которая делает очевидным влияние на нее идеи города-сада (рис. 1, 2).

Если в концепции Говарда магазины и коттеджи образовывали общественный центр, то в пространственных моделях соцгорода Семенова городской центр получил более развитую форму в виде цепочки площадей, нанизанных на радиальные проспекты. При этом наблюдается иерархия ансамблей, с четким выделением главного пространства. Набор общественных объектов, формировавших центр города, был дополнен административными зданиями, учебными заведениями, больницами, банком. В генпланах по-новому было решено распределение и использование зелени – создана система озеленения, включающая парки, скверы, бульвары [2].

Во второй половине 1920-х гг. концепцию города-сада в СССР официально отвергли, запретили к применению и придали «полному забвению даже на уровне теории» [12, с. 119]. Концепция «Лучезарного города», иллюстрирующая идеи Ле Корбюзье по перепланировке Москвы, также подверглась критике. После отказа от проведения конгресса CIAM в Москве и сворачивания публичных обсуждений концепции функционального города в середине 1930-х гг., международный обмен идеями прекратился. Однако утопическая идея Говарда и Ле Корбюзье о возможности разработки единого генерального плана, в котором воплощен законченный и не изменяемый образ будущего города, прочно вошла в советское градостроительство и сохраняется до настоящего времени. Утверждение генерального плана

Москвы в 1935 г. завершило собой этап поиска градостроительных идей, а «создателям новых течений в архитектуре отказали в признании заслуг» [16, с. 301].

С этого момента не принципы расселения и структура города в целом становятся объектом творчества, а торжественные монументальные площади и городские ансамбли проспектов, набережных, парков. А.В. Иконников относит подобную систему взглядов к категории эстетических утопий [8, с. 196]. Начавшийся в 1932 г. период градостроительства продлился до середины 1950-х гг. В течение этого времени родилась, претерпела ряд трансформаций и нормативно оформилась идея соцгорода [12, с. 120–121]. Переход осуществлялся через концепцию индустриального поселка, для реализации которой в Россию из Германии были приглашены Бруно Таут и Эрнст Май. Они были приверженцами идей Говарда. В 1919 г. Таут разработал экспрессионистскую версию идеального города-сада – «Корону города», сформированную «как целостный комплекс, объединяющий в своей системе объемов, площадей, садов культурные и рекреационные функции» [8, с. 183–184].

Жилой поселок, возведенный при Витебской чулочно-трикотажной фабрике имени Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) перед войной, служит примером воплощения данной идеи в конструктивистском стиле, а поселки при тракторном и автомобильном заводе в Минске 1940-х гг. – в стиле «сталинского ампира» и «социалистического реализма». Несмотря на внешние различия, в пространственной модели этих поселков легко прочитываются единые принципы, разработанные в образцовом городе социализма – Сталинграде. Главная улица поселка в виде широкого бульвара сориентирована на центральную проходную предприятия, перед ней формируется открытая площадь, в застройке которой присутствуют общественные здания, относящиеся к новой типологии учреждений культурно-бытового обслуживания: клубы, дворцы культуры, техникумы и училища, детский сад, фабрика-кухня, столовая, баня и т.п.

Соединение поселков (соцгородков) в целостную пространственную модель «соцгорода» планировалось осуществить на основе ступенчатой системы культурно-бытового обслуживания и привязанной к ней четкой иерархии общественных центров. При этом кварталы постепенно укрупнялись, а общегородской центр формировался как «дорога процессий», ведущей от главных ворот города через систему открытых пространств – площадей и парков – к главному зданию. Такое решение для общегородского центра дано и в генеральном плане Москвы с ее характерной радиально-кольцевой структурой, и в проекте «Большой Сталинград», который считают хрестоматией линейной планировки.

Выявляются схожие черты и в планировке общегородского центра Минска (рис. 3). Городской центр, согласно генеральному плану, должен быть статичным, локальные центры более динамичны, главные магистрали постепенно раскрывают пространства от периферии к центру. Использовался общий композиционный принцип, формирующий одно целое из объемов и открытых пространств магистралей [2], где архитектурными элементами являются озеленение, водные пространства, рельеф. Отличительная особенность плана – система озеленения не являлась самостоятельной темой, а была составной частью ансамблей города.

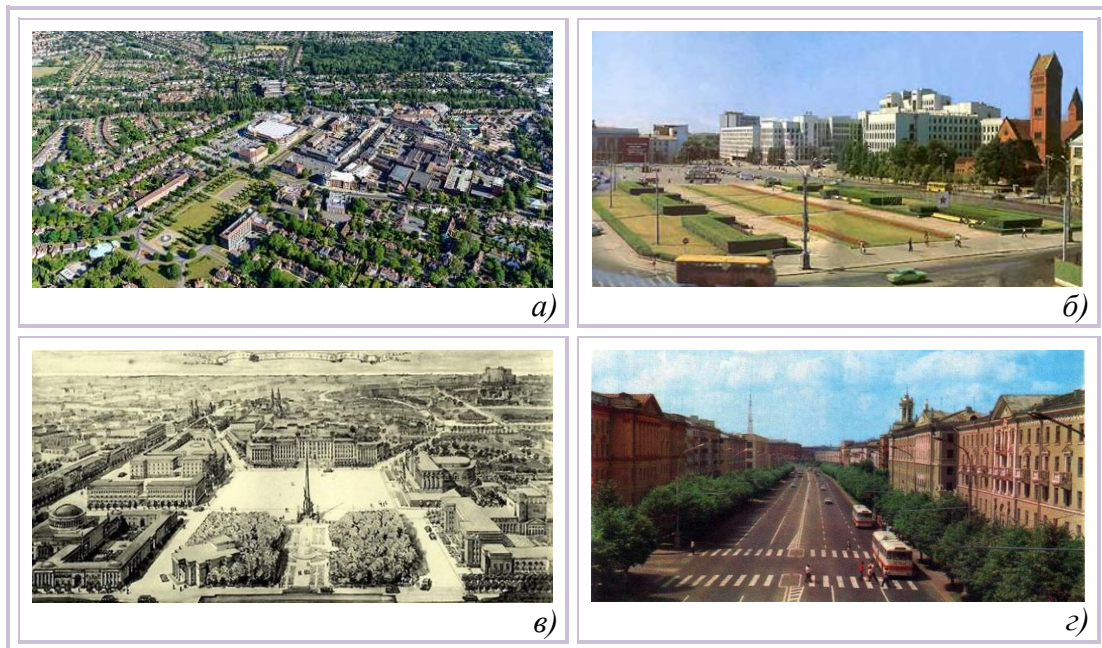

Рис. 3. Идея города-сада в общественных пространствах:
 а) Центр Лечворта; б) Площадь Независимости (Ленина) в Минске (1970-е гг.);
 в) Проект застройки Центральной (Октябрьской) площади (арх. И. Лангбард);
 д) Проспект Независимости (Ленина) 1974 г. [20].

Архитектурная композиция главной магистрали (Ленинского проспекта, сейчас проспект Независимости) представляет собой «гармоничное чередование застроенных отрезков улиц с пространствами площадей, достигнутая масштабность (соразмерность высоты зданий к ширине улицы, а также высоты зданий к их протяженности), замыкание перспектив архитектурными сооружениями (акцентами), сочетание застройки с широким озелененным пространством поймы реки Свислочи, где искусственно было создано большое водное зеркало...» [7, с. 78].

На практике соединения не произошло. Напротив, разрыв между так называемым «городом монументальным» и «городом минимальным» углубился. Ю.Л. Косенкова, анализируя советское градостроительство в послевоенный период, свидетельствует, что за это время объективные причины привели концепцию города-ансамбля к «саморазрушению» [9, с. 248]. На рубеже 1947–1948 гг. «поиски содержательной концепции города, по сути, уступили место поиску технических средств застройки городов, приобретших самоценное значение» [9, с. 247]. Дальнейшие перемены были обусловлены взятым курсом на массовое жилищное строительство, которое принято связывать с именем Н.С. Хрущева. В периодизации утопического мышления, предложенной А.В. Иконниковым, данный этап относится к зрелости утопий «машинного века» [8, с. 639, 652–653].

При всей неоспоримости того факта, что Ле Корбюзье занимает ключевое место в эволюции градостроительных идей, сориентированных на индустриальные методы строительства и развитие транспорта, достаточно сложно оценить влияние концепции «Лучезарного города» на пространственные модели социалистических городов в период урбанизационного перехода 1960–1980-х гг.

Сложности обусловлены тремя причинами:

1) Во-первых, несмотря на отсутствие официального признания, многие идеи главного «столпа модернизма» XX в. активно заимствовались без ссылок на источник. Прежде всего, это касается идеи микрорайона. В концепции «Лучезарного города» Ле Корбюзье предложил придать типизированную форму крупным жилым блокам на 2 700 жителей, избегая домов люкс и расширяя набор учреждений, которые обеспечивают прожиточный минимум услуг (Existenzminimum). Эстетическим решением стали симметричные прямоугольные схемы. Хрестоматийная фраза Ле Корбюзье «Кривая улица – это дорога ослов, прямая улица – дорога людей» [11, с. 29]. С 1950-х гг. идеи застройки жилых территорий «отдельно стоящими объемами, снижения плотности застройки за счет увеличения этажности» стали всеобщим достоянием [5, с. 22]. С переходом советского домостроения на индустриальные рельсы, влияние этих идей только усилилось. Требования к созданию ступенчатой системы культурно-бытового обслуживания перешло в категорию официальной нормы [21, п. 193–198, 203–206, 209]. Там, где идеи разрабатывались и воплощались при непосредственном участии Ле Корбюзье (Злин, Немур, Чандигарх, Бразилиа), были найдены удачные практические решения. Затем они повторялись во многих местах, но уже опосредовано – как общепринятый стандарт. Это включает и расширенную типологию улиц, и архитектурные приемы открытой композиции, распространенные на большие пространства, которые помогли архитекторам преодолеть монотонную геометрию строчной и точечной застройки, гибко связать ее с топографией участка.

2) Во-вторых, некоторые идеи «Лучезарного города» со временем пересматривались, что говорит о противоречивости самой концепции. На VI и VII конгрессах СИАМ развернулась дискуссия по поводу функциональной теории города. «Афинская хартия» подверглась критике за универсализм, функционализм и абстракционизм. А.А.Х. Аль-Джабери отмечает, что «абстракционизм подвергался критике как причина утраты чувства территориальной идентичности, городской общины и общественного пространства, в то время как универсализм и единообразие рассматриваются как причины кризиса урбанизации. Функционализм несет в себе индивидуалистический подход» [1, с. 49]. Кроме того, концепция критиковалась за отсутствие системы общественных центров. В противовес Ле Корбюзье,

Хосе Луис Серт выдвинул понятие «сердце города»; именно такое название имел VIII конгрессе CIAM (1951 г.), что связывали с исчезновением центров из-за разрушений городской структуры вследствие войны и территориального разрастания городов. В советской специальной литературе этого периода общественные центры не выделялись в отдельную функциональную зону. Они рассматривались как один из элементов селитебных территорий, подчиненный иерархии административных и общественных зданий. Рекомендуемые приемы архитектурной композиции пропитаны духом эстетических утопий [22].

3) В-третьих, как отмечают Ю.П. Бочаров и А.Г. Раппапорт, отечественные градостроители сильно недооценивают идею Ле Корбюзье о трех формах расселения [4, с. 134]. Между тем в окружении «новых городов» Беларуси, которые начали создаваться в 1960-е гг., до сих пор можно отчетливо выделить жилые единицы сельского производства, линейный индустриальный город, выполняющий функцию промышленного производства; и радиально-кольцевой город общественной жизни, как административный, торговый, культурный и научный центр [13].

Пространственную модель Новополоцка можно использовать как образец, демонстрирующий воплощение концепции «Лучезарного города» на уровне региона, города и отдельных объектов. Выбор направлений территориального развития сближенных городов Новополоцка и Полоцка осуществлялся в логике рационального сочетания «корбюзеевских» форм расселения – линейной и радиально-кольцевой соответственно (рис. 4). В полосовом функциональном зонировании и в транспортном решении генерального плана Новополоцка, как в целом, так и в деталях, прочитывается утопическая идея «Индустриального города» Тони Гарнье, предшествующая концепции «Лучезарного города» (рис. 5). Композиционное решение застройки микрорайонов и общественных центров перекликается с лучшими примерами урбанизма Ле Корбюзье.

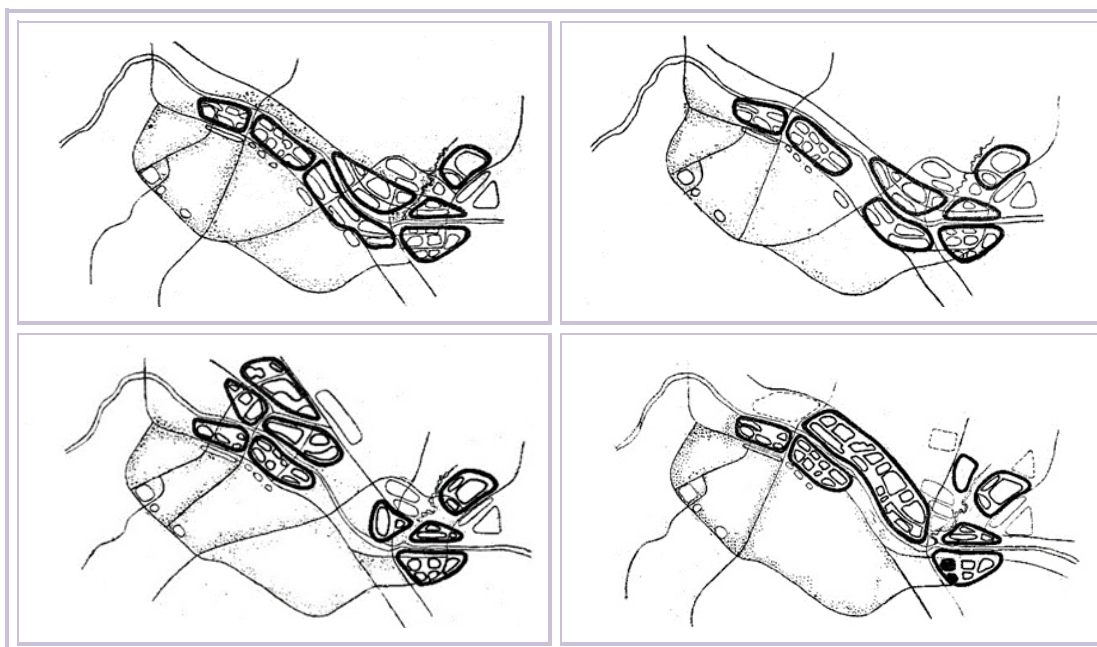

Рис. 4. Варианты взаимосвязанного пространственного развития Новополоцка – центра нефтехимической промышленности линейной формы и Полоцка – исторического центра региона радиально-кольцевой формы, разработанные в 1973–1978 гг.

Автор моделей: Вардеванян П.Г. [20].

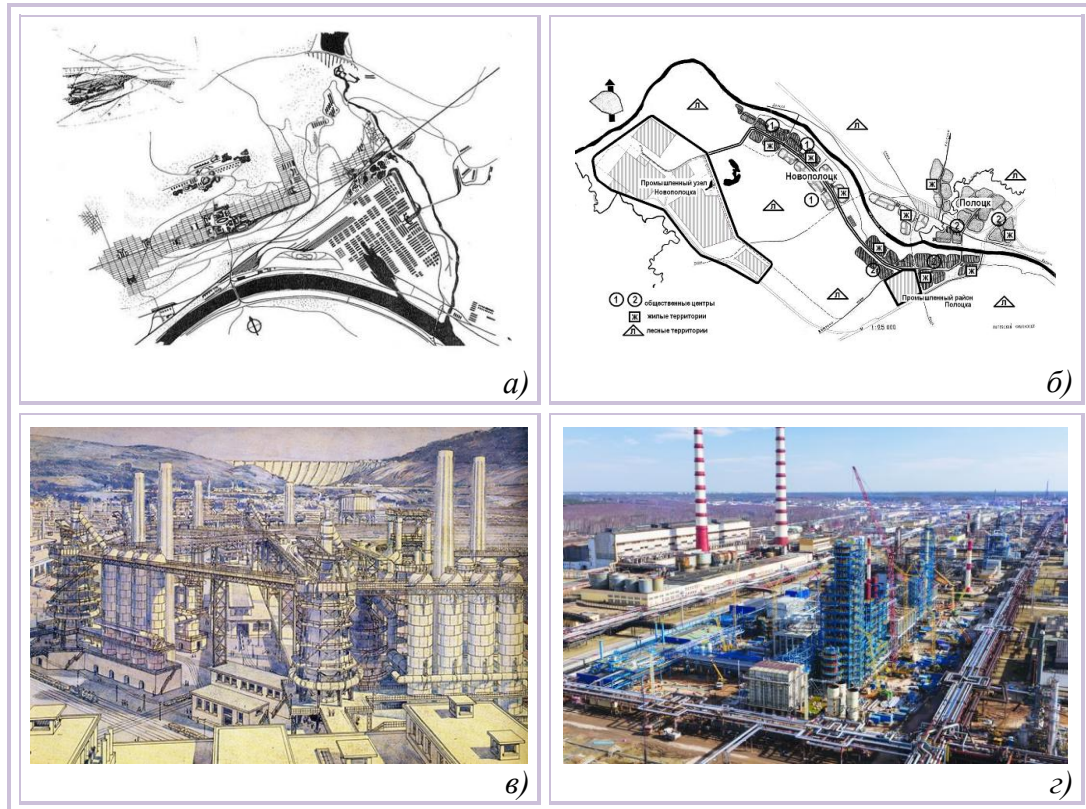

Рис. 5. Промышленный город: а) Проект города Т. Гарнье; б) Схема г. Новополоцка; в) Вид города Т. Гарнье; г) Комбинат «Нафтан»; г. Новополоцк [20].

Заключение. В градостроительстве Беларуси за последние 20 лет были разработаны планы городов следующего поколения. Это атомоград Островец, центр Белорусско-китайского индустриального парка Великий Камень, города-спутники, расположенные возле областных «столиц», и сотни агрогородков, которые имеют статус особых административно-территориальных единиц. Пространственные модели указанных городов до настоящего времени не концептуализировались. Практика опередила теорию, поэтому к проблемам, возникающим в ходе реализации перечисленных градостроительных планов, подходят исключительно с технической стороны. Концептуальные основы планировки выпали из поля зрения профессиональной критики, что не позволяет выявить ошибки, обусловленные применением устаревших нежизнеспособных пространственных моделей, и предложить современные решения.

Список литературы

1. Аль-Джабери А.А.Х. Градостроительные идеи и концепции, повлиявшие на развитие движения Нового урбанизма / А.А.Х. Аль-Джабери // *Урбанистика*. – 2020. – № 2. – С. 41–61.
2. Белоусов В.Н., Смирнова О.В. В.Н. Семенов / В.Н. Белоусов, О.В. Смирнова. – Москва: Стройиздат, 1980. – 144 с.
3. Бон Т.М. «Минский феномен»: городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Томас М. Бон; [пер. с нем. Е. Слепович]. – Москва: РОССПЭН, 2013. – 413, [1] с., [16] л. ил.

4. Бочаров Ю.[П.], Раппапорт А.[Г.] Градостроительные трактаты Ле Корбюзье и проблемы современного проектирования // *Ле Корбюзье Ш.Э.* Три формы расселения; Афинская Хартия / Ле Корбюзье; Пер. с фр. Ж. Розенбаума; Послесл. Ю. Бочарова, А. Раппапорта. – Москва: Стройиздат, 1976. – С. 127–135.
5. *Всеобщая история архитектуры в 12 т. Т. 11: Архитектура капиталистических стран XX в.* / Под ред. А.В. Иконникова (отв. ред.), Ю.Ю. Савицкого, Н.П. Былинкина, С.О. Хан-Магомедова, Ю.С. Яралова, Н.Ф. Гуляницкого. – Москва: Стройиздат, 1973. – 887 с.
6. Глазычев В.Л. Урбанистика / В.Л. Глазычев. – Москва: Европа, 2008 – 219 с.
7. Заславский Е.Л. Что такое архитектура / Е.Л. Заславский. – Минск: Нар. асвета, 1978. – 94 с., 16 л. ил.
8. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: В двух томах. Т. 1 / А.В. Иконников. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 656 с.
9. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства / Ю.Л. Косенкова; Российская акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостроительства. – Изд. 2-е, доп. – Москва: Либроком; URSS, 2009. – 422 с., [8] л. цв. ил.
10. Косенкова Ю.Л. Гл. 6. От «соцгорода» к «городу-ансамблю»: наложение концепций // *Советское градостроительство. 1917–1941.* Кн. 1 / Отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – Москва: Прогресс-Традиция, 2018. – С. 259–272.
11. *Ле Корбюзье. Архитектура XX века* / Ле Корбюзье; Пер. с фр. В.Н. Зайцева и В.В. Фрязинова; Сост. М.В. Толмачев; Ред. С.Д. Комаров; Послесл. К.Т. Топуридзе. – 2-е изд. – Москва: Прогресс, 1977. – 304 с.
12. Меерович М.Г. Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // *Вестник Евразии.* – 2007. – № 1(35). – С. 118–166.
13. *Новые города Белоруссии* / Ин-т строительства и архитектуры Госстроя БССР; [Науч. ред. В.А. Король]. – [Минск]: Наука и техника, [1966]. – 154 с.
14. Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – [19]80-е годы / А.С. Сенявский; Рос. АН, Ин-т рос. истории. – Москва: ИРИ, 1995. – 263, [1] с.
15. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А.С. Сенявский; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. – Москва: Наука, 2003 (СПб.: Тип. Наука). – 285, [1] с
16. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: проблемы города будущего / В.Э. Хазанова; Академия наук СССР, Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания Министерства культуры СССР. – Москва: Наука, 1980. – 373 с.
17. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 книгах. Кн. 2: Социальные проблемы / С.О. Хан-Магомедов. – Москва: Стройиздат, 2001. – 712 с.
18. Шамрук А.С. Архитектура Беларуси XX – начала XXI в.: эволюция стилей и художественных концепций / А.С. Шамрук; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск: Белорусская наука, 2007. – 334, [1] с.
19. Zadorin D. Minsk. Architectural guide. – Berlin: DOM publishers, 2018. – 540 p.

Список источников

20. Вардеванян П.Г. Личный архив.
21. Правила и нормы планировки и застройки городов СН 41-58: Утв. 1/ХП 1958 г.: Изд. офиц. / Гос. ком-т Совета Министров СССР по делам строительства. – Москва: Госстройиздат, 1959. – 179 с., 1 л. карт.
22. Справочник проектировщика. Т. 6: Градостроительство / Ред. М.О. Хауке, И.Н. Магидин; Гос. ком. по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. Центр. науч.-исслед. и проектный ин-т по градостроительству. – Москва: Госстройиздат, 1963. – 367 с., 1 л. граф.
23. Энн Идальго, речь на открытии саммита (29.11.2016) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.c40.org/ru/news/anne-hidalgo-summit-opening-speech/> (дата обращения: 27.04.2022).